

Самович Александр Леонидович

ПРОБЛЕМА ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ В 1831 Г.

В статье рассматривается один из малоизученных сюжетов отечественной истории - пребывание на территории Российской империи военнопленных польско-русской войны 1831 г. В научный оборот введены ранее неопубликованные архивные документы и материалы, отражающие вопросы пленения, размещения и содержания оказавшихся в плену польских воинов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. С. 161-164. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Андреева Е.** Постмодернизм. Искусство второй половины XX – начала XXI века. СПб.: Азбука-классика, 2007. 485 с.
2. **Деотт Ж.-Л.** Лиотар: живопись на грани исчезновения // Позиции современной философии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. об-ва, 2000. Вып. 2. Современная философия во Франции. С. 32–40.
3. **Деотт Ж.-Л.** Элементы эстетики исчезновения // Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов: антология. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2003. С. 118–142.
4. **Деррида Ж.** Призраки Маркса. М.: Logos altera, 2006. 254 с.
5. **Капельчук К. А.** В горизонте исчезновения: живопись, фотография, кино [Электронный ресурс]. URL: <http://phil.testes.spn.ru/articles/40> (дата обращения: 25.01.2011).
6. **Лехциер В. Л.** Опыт исчезновения в феноменологической перспективе // Ежегодник по феноменологической философии. М.: РГГУ, 2008. № 1. С. 103–127.
7. **Максимова Ю.** Известные художники написали портреты пропавших мексиканок [Электронный ресурс]. URL: http://artinvestment.ru/news/exhibitions/20101114_400women.html (дата обращения: 25.01.2011).
8. **Плиний Старший.** Естествознание: об искусстве / пер. Г. А. Тароняна. М.: Ладомир, 1994. 941 с.
9. **Тэйлор Б.** Актуальное искусство 1970-2005. М.: Слово, 2006. 256 с.
10. **Bergman-Carton J.** Christian Boltanski's Dernieres Annees: the History of Violence and the Violence of History // History & Memory. 2001. Vol. 13. № 1. Spring/Summer. P. 3–18.
11. **James E.** Young. Memory and Counter-Memory. The End of Monument in Germany // Harvard Design Magazine. 1999. № 9. P. 4–13.

DISAPPEARANCE, OBLIVION AND LOSS NIHILISTIC MODI IN POST-MODERNITY ART-PRACTICES

Natal'ya Ryafikovna Saenko, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Anton Vasil'evich Val'kovskii

*Department of Culture Theory and History
Volgograd State Pedagogical University
rilke@list.ru, walkowsky@yahoo.com*

In the article the interpretations of fiction texts of the end of the XXth – the beginning of the XXIst centuries are presented which can be included in disappearance aesthetics paradigm. The author speaks about the topical artistic trends through the question – what happens with the reality which seemed to be unshakable and authentic? How does the essence which filled the reality with actual strength disappear? Post-modern art takes great interest in disappearance event itself.

Key words and phrases: disappearance aesthetics; disappearance; emptiness; nothing; non-existence; simulation.

УДК 94(47:476)

В статье рассматривается один из малоизученных сюжетов отечественной истории – пребывание на территории Российской империи военнопленных польско-русской войны 1831 г. В научный оборот введены ранее неопубликованные архивные документы и материалы, отражающие вопросы пленения, размещения и содержания оказавшихся в плену польских воинов.

Ключевые слова и фразы: военный плен; военнопленные; восстание в Варшаве; Николай I; Российская империя; Царство Польское.

Александр Леонидович Самович, к.и.н.
*Кафедра истории
Военный университет, г. Москва
as27-72@mail.ru*

ПРОБЛЕМА ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ В 1831 Г. ©

Польско-русский конфликт 30-х гг. XIX в., впрочем, как и все предыдущие столкновения России и Польши относится к категории событий, чрезвычайно перегруженных факторами эмоционально-ценностного характера. Участие России в разделах Речи Посполитой, присоединение к империи украинских, белорусских, литовских и латышских земель, на которых проживало значительное число поляков, делало «польский вопрос» не только важным внешнеполитическим фактором, но и явлением, во многом определявшим политику самодержавия по отношению к участвовавшим в мятежах уроженцам Польши.

Как известно, вспыхнувшее в ноябре 1830 г. восстание в Варшаве в короткие сроки переросло в крупное вооруженное противостояние, охватившее, в том числе, и значительную часть западных губерний России. Восставшая 30-тысячная группировка польских войск, доведенная затем до 130 тысяч, развернула активные

боевые действия по всем правилам военного искусства. И в этой связи вполне закономерно, что оказавшиеся во власти противника солдаты и офицеры рассматривались обеими сторонами в качестве военнопленных.

С развитием конфликта число захваченных в плен русскими войсками польских воинов непрерывно росло. Так, если в середине февраля 1831 г. в секретной переписке о препровождении и содержании военнопленных речь шла всего лишь о 420 поляках (3 штаб- и 11 обер-офицерах, 406 нижних чинах), то уже в апреле 1831 г. сообщалось о более чем 2 тысячах пленниках (10 штаб-, 50 обер- и 96 унтер-офицерах, 1874 нижних чинов) [5, л. 35]. В одном только сражении при Остроленке 14 мая 1831 г. потери пленными у поляков составили 2 штаб- и 13 обер-офицеров, 1382 нижних чин [4, л. 186]. Упорная оборона Варшавы стоила польским войскам около 7 тыс. убитыми и ранеными. До 3 тыс. защитников варшавских укреплений оказалось в русском плену.

Однако за пленением, как эпизодом боевых действий, неминуемо вставал вопрос об отношении к захваченному в плен противнику, которого в соответствии с правилами и обычаями европейской войны необходимо было лечить, кормить и одевать. По существу, руководству страны предстояло решить три задачи: разместить военнопленных на территории империи и создать для них хотя бы минимальные условия для существования; обеспечить бесперебойное продовольственное и вещевое снабжение; оказать медицинскую помощь раненым и больным. Содержание официальной переписки и принятых решений в отношении первых польских пленных свидетельствует о том, что в начале войны у российских властей не было достаточного представления, как, какими способами и путями решать возникшую проблему. Анализ сохранившихся архивных документов показывает явный дефицит государственных действий в этом направлении. Далеко не всегда решения принимались рационально, с учетом всех возможных последствий и альтернатив.

Так, решая вопрос, как поступить с откомандированными в Россию еще до начала военных действий военнослужащими польской ремонтной команды, а также офицерами, находившимися в отпусках, местные чиновники в экстренном порядке стали запрашивать мнение на этот счет центральных властей. Частный вопрос, касавшийся судьбы нескольких десятков человек, вышел вначале на уровень шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, а затем и самого императора. Наиболее удобным с политической и организационной точек зрения вариантом решения возникшей проблемы виделось предложение польским офицерам вступить в русскую службу. Ожидалось, что поляки не замедлят откликнуться на этот щедрый, по мнению российских властей, шаг. Однако чувство сопричастности польских офицеров к своим воинским частям и сражающимся товарищам взяло верх над, казалось бы, вполне прагматичным выбором. Реакция Николая I на отказ поляков принять условия российской стороны не заставила себя долго ждать. Вскоре последовали «высочайшие» указания отобрать у них оружие и уже в качестве военнопленных отправить в города Воронеж, Астрахань, Пензу, Уфу и Симбирск [1, л. 12].

Импульсивность действий властей проявилась также в решениях по вопросу размещения и содержания военнопленных. Уже в феврале 1831 г., столкнувшись с тем, что польские пленные «занимают дома и съедают с трудом добываемый для наших войск и госпиталей хлеб и мясо», армейское командование пошло по пути самостоятельного решения вызванных жизнью проблем [4, л. 55]. Для начала решено было этапировать скопившихся в г. Седлец свыше 400 пленников партиями по 100 человек вглубь России. Организованному перемещению поляков должен был способствовать изданный 13 февраля 1831 г. главнокомандующим действующей армией И. И. Дибичем-Забалканским приказ за № 76, содержавший довольно подробный перечень действий лиц конвоя, вплоть до порядка ведения подробной отчетности и линии поведения в случае появления в партии военнопленных больных.

Первый нормативный акт относительно продовольственного и денежного обеспечения военнопленных также был издан по инициативе военных властей. Приказ Дибича за № 42 от 19 января 1831 г. стал одним из основных в складывающейся системе взаимоотношений армейских структур с захваченным в плен противником. Однако главнокомандующий мог использовать свои распоряжения только в зоне ответственности своих войск. Для того, чтобы распространить свой замысел на все пространство Российской империи, ему пришлось ожидать «высочайшего» соизволения Николая I. Лишь в феврале в главной квартире действующей армии в Минске было получено сообщение графа А. И. Чернышева, что содержание приказа № 42 было доведено до сведения императора и нашло его одобрение [3, л. 9].

Еще одной проблемой, с которой пришлось столкнуться российским властям, стало определение дальнейшей участи пленников. Как следует из архивных материалов, при решении спорных вопросов следственные комиссии придерживались хорошо зарекомендовавшей себя еще в наполеоновскую эпоху практики разделения военнопленных по категориям и определения судьбы человека в соответствии с политической целесообразностью.

В соответствии с характером участия в восстании 1830 г. и последующих за ним событиях, оказавшиеся в плену польские генералы, чиновники, офицеры и нижние чины разделялись на четыре разряда [Там же, л. 229-232]. К первому разряду были отнесены генералы, командиры полков и артиллерийских рот, старшие и младшие офицеры, «известные по особенному участию в бунте», а также принявшие активное участие в восстании воспитанники варшавских военно-учебных заведений. Вторым разряд составляли генералы и офицеры, принадлежавшие к составу польской гвардейской артиллерии, саперного батальона, гренадерского, конно-егерского и 4-го пехотного полков. К третьему разряду пленников принадлежали генералы, офицеры и помещики, «кои находясь в краю, российским войсками занимаемом, окажутся подозрительными». Четвертый, самый многочисленный, разряд представляли нижние чины польских войск, а также взятые с оружием в руках обыватели, чины ополчения и национальной гвардии.

Судя по сохранившимся материалам, наиболее типичными решениями по делам военнопленных русско-польской войны 1831 г. являлись следующие:

- заключение в Бобруйскую крепость;
- определение на военную службу в отдельные Кавказский, Сибирский и Оренбургский корпуса;
- ссылка во внутренние губернии России;
- определение в арестантские (военно-рабочие) роты инженерного и морского ведомств.

Кроме этого, существовали еще категории военнопленных, так называемых, «ненужных на войне» – получивших тяжелые ранения, ослепших, престарелых, малолетних и других неспособных к службе и труду участников сопротивления, которые не попадали в названные разряды. Их судьбу решали отдельно, исходя экономических возможностей страны пленения. Так, «во избежание напрасной для казны издержки» в ноябре 1831 г. императором было принято решение, чтобы назначенных в крепостные арестантские роты, «кои окажутся к крепостным работам совершенно неспособными, по увечьям, обращать на прежнее жительство, а могущих служить еще во внутренней страже, отсылать в оную» [Там же, л. 297]. В марте следующего года это решение было распространено и на тех, кто подлежал определению на военную службу.

В августе 1831 г. у армейского командования появилась возможность отпустить обратно к своим семьям тех из захваченных в Ловичском госпитале солдат и офицеров Царства Польского, «кои одержимы застарелыми ранами, долговременными болезнями и таким расслаблением тела, что не предвидится скорого излечения» [6, л. 228]. Впрочем, это касалось лишь военнослужащих, чьи семьи находились в местах расположения русских войск. Всех остальных предписывалось оставить в Ловиче для использования в качестве госпитальной прислуги «впредь до того времени, когда представится возможность отпустить и сих последних к своим семействам» [Там же]. О том, что решение об освобождении того или иного пленника принималось в зависимости от сложившихся обстоятельств, свидетельствуют факты передачи польской стороне тяжелораненых солдат и офицеров. При этом следует заметить, что осуществить такой шаг возможно было только на армейском уровне и в условиях ведения интенсивных боевых действий, когда стороны не стремились обременить себя излишним числом больных и раненых воинов.

Как видим, в 1831 г. политические цели наказания согласовывались с экономическими возможностями Российского государства, т.е. суду, за которым следовало распределение виновных в военно-рабочие (арестантские) роты и на военную службу подвергались лишь способные к такому роду использования (определенного возраста и физически здоровые). Сами крепости и тюрьмы служили не целям пожизненного заточения «узников войны», а лишь временной изоляции до вынесения приговора военного суда. Юноши, старики, тяжелораненые и больные, а также обремененные большим семейством, как правило, отпускались без суда и следствия.

Одной из важных составляющих качества жизни в плену являлось продовольственное обеспечение военнопленных. Анализ источников существования офицерского и рядового состава позволяет выделить значительное различие в их положении. Пленники, имевшие генеральские и офицерские чины, вопрос с питанием должны были решать сами за счет получаемых на руки денежных средств. Причитающиеся им суммы следовало выдавать заблаговременно на несколько дней вперед из расчета: генералам – 4 руб. ассигнациями в сутки, старшим офицерам – 2 руб. и младшим – 1 руб. В приказе по Действующей армии за № 283 от 11 июня 1831 г. особо оговаривалось, что такое содержание производится офицерам только в соответствии с чинами, полученными ими до начала восстания. Те, кто получил первый или очередной офицерский чин «от мятежнического правительства», прав на выплаты в соответствии со своим новым положением не имел.

Принятое 21 мая 1831 г. Положение «О пленных и добровольно переходящих польских чинах» устанавливало, что захваченным в плен рядовым воинам, до зачисления их в службу, должна производиться «казенная дача провианта» и, сверх того, мясная и винная порции. Последняя норма была ограничена двумя днями в неделю и распространялась лишь на период следования пленных до границ России. Помимо этого, в феврале 1832 г. в циркулярных предписаниях, адресованных гражданским губернаторам, сообщалась воля императора о производстве отправляемым на службу польским и литовским пленным в пути добавочного содержания в размере 5 коп. медью на каждого. При этом оговаривалось, что использовать эту выдачу следует только во время остановок и исключительно для приготовления горячей пищи [2, л. 1]. Вполне очевидно, что такое решение преследовало исключительно прагматическую цель – поставить в удаленные сибирские и кавказские гарнизоны солдат, физически способных нести тяжелую службу в суровых климатических условиях.

В данной статье мы коснулись лишь нескольких сюжетов, связанных с пребыванием уроженцев Польши в русском плену. Привлечение дополнительных архивных материалов, в том числе польских источников, должно, на наш взгляд, способствовать новому прочтению, казалось бы, давно изученного и решенного на страницах отечественной печати «польского вопроса». Сегодня у исследователей для этого есть все необходимое – открытые архивы и богатая своими информационными возможностями источниковая база.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 6. Д. 147.
2. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБ в Минске). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 3189.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 5083. Ч. 15.
4. Там же. Ч. 62.
5. Там же. Ч. 74.
6. Там же. Ч. 93.

POLISH MILITARY CAPTIVES PROBLEM AND WAYS OF ITS SOLVING IN 1831**Aleksandr Leonidovich Samovich**, Ph. D. in History*Department of History
Military University in Moscow
as27-72@mail.ru*

In the article one of the little-studied native history topics – Polish-Russian war (1831) captives' stay in the Russian Empire territory - is considered. Archival documents and materials reflecting the questions of Polish warriors capturing, placing and confinement which have never been published before are introduced into scientific circulation.

Key words and phrases: military captivity; military captives; revolt in Warsaw; Nikolai I; Russian Empire; Polish Kingdom.

УДК 347.45/47

В статье обосновывается, что ввиду отсутствия нормативных правовых актов, специально посвященных оказанию концертных услуг, Гражданский кодекс Российской Федерации является основным источником правового регулирования этих услуг, содержащим как общие, так и специальные нормы. На основе результатов исследования формулируются предложения по совершенствованию гражданского законодательства.

Ключевые слова и фразы: гражданский кодекс; договор концертных услуг; источник правового регулирования; общие и специальные нормы; отношения.

Максим Владимирович Севостьянов, к.ю.н.*Юридический факультет**Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета**max.sevostyanov@vgi.volsu.ru***ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ДОГОВОРУ КОНЦЕРТНЫХ УСЛУГ[©]**

Установленная правовая природа договорных обязательств по оказанию концертных услуг требует выявления системы правовых норм, регулирующих исследуемые правоотношения.

Поскольку такие отношения являются разновидностью отношений возмездного оказания услуг и регулируются нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), то использование категории «законодательство, регулирующее отношения по договору концертных услуг» представляется нам некорректным. Следовательно, возникает потребность определения иного термина, объединяющего нормы права, регулирующие эти отношения. Представляется, что такой термин может именоваться как «источники правового регулирования». Этот вывод обусловлен лексическим толкованием каждого слова: 1) «источник – это то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь или документ, на основе которого строится исследование» [5, с. 258]; 2) «правовое – (от слова «право») совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе» [Там же, с. 575]; 3) «регулирование – упорядочивание, налаживание» [Там же, с. 671]. Таким образом, лексическое значение термина «источники правового регулирования» подразумевает «документы, на основе которых формируются устанавливаемые и охраняемые государством нормы и правила, упорядочивающие отношения людей в обществе».

В теории, источник права обычно рассматривается в двух аспектах: материальном – как объективная основа, обусловившая возникновение права, и формальном – как акт нормотворчества, формы выражения содержания права [4, с. 78-96].

Синтезируя полученные результаты, можно сформулировать определение применительно к теме публикации: **«источники правового регулирования – акты нормотворчества различного уровня, применяемые к отношениям, возникающим из договора концертных услуг».**

Основополагающее значение в правовом регулировании сферы услуг принадлежит Конституции РФ, согласно которой единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств является одной из основ конституционного строя России (часть 1 статьи 8). Однако, будучи Основным законом государства, Конституция РФ не содержит норм, непосредственно регулирующих отношения, возникающие из договора концертных услуг. Действующая правовая система России устроена таким образом, что непосредственное регулирование различного рода отношений осуществляется кодифицированными